

18+

В. Н. Болоцких
А. И. Давыдов

**Исторические
заметки**

В. Н. Болоцких

Исторические заметки

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

Исторические заметки / В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511590-4

Память о прошлом имеет большое значение в человеческой истории. Она была и есть одним из «цементов», превращающих отдельных индивидов в сообщество: род, племя, народ, нацию, государство. История объединяет людей в сознательных членов общества. В данном сборнике авторы представляют заметки самой разной тематики. Но большая часть из них связана с историей России прежде всего революцией 1917 г. и гражданской войной. Интерес представляют зарисовки о воинской доблести.

ISBN 978-5-00-511590-4

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Болоцких В. Н. Декабристы и Гражданская война: проблемы моральной ответственности	6
Болоцких В. Н. Крестьянское хозяйство в XIX – начале XX в. и Великая революция 1917—1920 гг.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Исторические заметки

В. Н. Болоцких

А. И. Давыдов

© В. Н. Болоцких, 2020

© А. И. Давыдов, 2020

ISBN 978-5-0051-1590-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Болоцких В. Н. Декабристы и Гражданская война: проблемы моральной ответственности

Конфликты, противоречия, борьба за территории и ресурсы, приводящие к столкновениям и даже войнам, являются неотъемлемой частью человеческой истории с момента выделения человека из животного мира. Борьба шла и идёт не только за материальные блага, но и за идеи самого разного рода. Современная эпоха отличается только неимоверно мощными средствами уничтожения, способными уничтожить всё живое на планете. Также неимоверно усилились возможности влияния на сознание и психику человека, возможности манипулирования людьми.

Именно поэтому чрезвычайно остро стоит вопрос о моральной ответственности глав государств, государственных деятелей, политиков, оппозиционеров, революционеров за выдвигаемые ими идеи, теории, призывы, за возможные последствия в виде малых и больших катастроф.

Самые жестокие и кровавые войны в истории человечества – это войны за идею, к которым относятся и Гражданская война в России. Структуры мировоззрения, сознания, морали, построенных на ВЕРЕ, одинаковы. Одинаковы, потому что построены на вере в одну главную, фундаментальную идею. Такой идеей может быть вера в возможность построения справедливого общественного устройств (социалисты, коммунисты, анархисты), в Бога и т. п.

Если вера в свою идею становится безоговорочной, достигает стадии фанатизма, то рано или поздно адепты этой идеи приходят к допустимости применения насилия в отношении тех, кто не признаёт истинность этой идеи. История полна примеров преследований по религиозным мотивам и религиозных войн.

Равно как и примеров насилия во имя революционных теорий, обещающих счастливое будущее.

Очень хорошо суть этого явления выразил Л. Троцкий: «Вопрос о личной репрессии в революционную эпоху принимает совсем особый характер, от которого бессильно отскакивают гуманитарные общие места. Борьба идёт непосредственно за власть, борьба на жизнь и на смерть – в этом и состоит революция, – какое же значение может иметь в этих условиях тюремное заключение для людей, которые надеются в ближайшие недели овладеть властью и посадить в тюрьму или уничтожить тех, которые стоят у руля? С точки зрения так называемой абсолютной ценности человеческой личности революция подлежит „осуждению“, как и война, как, впрочем, и вся история человечества в целом».¹

Декабристы представляют один из немногих случаев осознания своей моральной ответственности. Их идеи преобразования России и практическая деятельность основывались на признании и уважения личности и собственного достоинства всех людей, независимо от сословного статуса и материального положения.

Декабристы размышляли о путях и средствах достижения своих целей и готовности народа к введению конституции и освобождения от крепостного права. Что делать вначале: сначала освобождать крестьян, а потом просвещать или наоборот?

Наиболее наглядно это видно из письма М. Муравьёва-Апостола брату Сергею за год до выступления декабристов: «Допустим даже, что вам легко будет пустить в дело секиру революции; но поручитесь ли в том, что сумеете ее остановить?»²

¹ Троцкий Л. Моя жизнь. – Т. 2. – Москва: Книга, 1990. – С. 210.

² Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. – Петроград: Былое, 1922, 1922. – С. 81.

Друг и соратник М. Муравьёва-Апостола, И. Якушкин, в разговоре с А. Бестужевым по дороге в одну из финских крепостей, утверждал, что неудача восстания 14 декабря произошла от «нетерпения», что истинное назначение дворянских революционеров состояло в том, чтобы быть «основанием великого здания, основанием под землей», «ником не замеченным», «но что мы вместо того захотели быть на виду для всех, захотели быть карниз». И потому «упали вниз», заметил сопровождавший арестованных дворянских революционеров, солдат.³

К великому сожалению, последующими поколениями российских революционеров это чувство моральной ответственности, уважения собственного достоинства и личности всех людей, понимания ценности человеческой жизни было полностью утеряно. Фанатизм, безоговорочная вера в свою правоту, растущее неверие в преобразовательные возможности самого народа стали наиболее характерными чертами морали и личности российских революционеров.⁴

Стремление революционных сил любой ценой достичь своих целей, основанных на вере в возможность создания справедливого общества, сопротивление сил старого общества, а также неприятие широкими народными массами, прежде всего крестьянскими, революционных и контрреволюционных лозунгов, недовольство ими откровенным грабежом всеми сторонами привели к взаимному озверению, немислимым жестокостям, забвению заповедей божьих и человеческих в годы Великой революции в России 1917—1920 гг.

Уроки Гражданской войны в России с точки зрения моральной и личностной ответственности всех её участников не только не были усвоены, они просто были забыты, никто и никогда не обращал внимания на них.

И продолжается идейная борьба, основанная на безоговорочной вере в свою правоту, в истинность своих идей и теорий, продолжают раздаваться призывы к уличным акциям во имя непонятных, но не подвергающимся сомнению целям.

Хорошо ещё, если за этими призывами стоят корыстные интересы «вождей» и идеологов. Хотя и в таком случае разрушительные для общества последствия могут быть очень большими.

Гораздо опаснее идейные вожди, не сомневающиеся в своей правоте и готовые на любые жертвы во имя осуществления своих теорий и целей.

Но невозможно принести благо обществу, если не сомневаться в своей правоте, если не задумываться о возможных последствиях, о своей моральной ответственности.

³ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С. 88.

⁴ См. подробнее: Болоцких В. Н. Мораль и личность российских революционеров. – 2 изд. – [б.м.]: Издательские решения, 2018. – Гл. 2—3.

Болоцких В. Н. Крестьянское хозяйство в XIX – начале XX в. и Великая революция 1917—1920 гг.

Существенным недостатком абсолютного большинства исторических и социально-экономических исследований является отсутствие чёткого определения основных понятий. Поэтому нередко возникает взаимное непонимание, когда исследователи используют одни и те же слова, но по-разному понимают их смысл. Поэтому статья начинается с определения основных понятий.

– *многоотраслевое, натуральное потребительское, с целью удовлетворения потребностей крестьянской семьи в продовольствии, одежде, обуви, жилище и т. п. Оно может быть мелкотоварным, но основная причина продажи части произведённой продукции – получение средств на уплату налогов и других повинностей, а также некоторых ремесленных и промышленных товаров, которые невозможно изготовить силами крестьянской семьи. – человек, ведущий именно крестьянское хозяйство, а не вообще занятый в земледельческом производстве. **Крестьянское хозяйство Крестьянин***

*предприниматель, владеющий или арендующий землю, и занимающийся на ней сельским хозяйством с целью получения дохода (прибыли). **Фермер** —*

– *землевладение, доход от которого получается с помощью зависимых от его владельца крестьян, экономически самостоятельных, но обязанных в силу каких-то причин (по марксистской терминологии – внеэкономического принуждения) нести повинности в пользу владельца земли (натуральный и денежный оброк, барщина и иные). **Помещичье хозяйство***

– *нищий, получающий содержание от общества. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Чудинов А. Н., 1910. **Паупер** (лат. Pauper бедный) нищий, человек, лишённый средств к существованию. **Паупер***

***ПРОЛЕТАРИЙ**, я, муж. Наёмный рабочий, лишённый средств производства. Городские, сельские пролетарии. Жен. пролетарка, и (разг.). Прил. пролетарский, ая, ое. Толковый словарь Ожегова. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1992. **Пролетарий** —*

*Таким образом, – это рабочий, не имеющий средств производства и вынужденный жить за счёт продажи своей рабочей силы и жить не обязательно бедно – при высокой квалификации и большой зарплате он может достичь уровня среднего класса. А – бедняк, голодранец, живущий за счёт подаяния. В этом принципиальное различие между пролетариями-рабочими и пауперами, опустившимися людьми, людьми дна. **пролетарий паупер***

Проблеме революций в России начала XX в. посвящено огромное количество работ. Но, к сожалению, подавляющее их число носят конъюнктурный идеологический характер. К ним относятся практически вся советская историография, а также значительная часть зарубежной (только с обратным знаком).

Но тема российских революций, их причин, особенностей, состава участников, характера, последствий остаётся чрезвычайно актуальной и спустя более века. Особенно важной является проблема участия крестьян в революциях и Гражданской войне. Это важно по причине гигантского преобладания крестьян в составе населения, и их активного участия в революционных событиях.

Ю.А Петров в историографическом обзоре итогов изучения российской революции указывает на растущую популярность модернизационной парадигмы в поисках глубинных причин революций. Сторонники модернизационного подхода концентрируют внимание на трансформации традиционного аграрного общества в индустриальное. При этом основное внимание обращается на способность правящей элиты справляться с вызовами времени и понять необходимость реформ. Именно неготовность государства адекватно отвечать на вызовы времени

приводит его к столкновению с демократизирующимся обществом. Ю. А. Петров обращает внимание на то, что остаётся дискуссионным вопрос о соотношении успехов и трудностей на пути модернизации: «оптимисты» (Б. Н. Миронов) подчёркивают успехи и значительный рост уровня жизни населения, «пессимисты» (С. А. Нефёдов) рост населения России связывают с уменьшением душевого потребления.

В то же время очень популярными становятся разного рода конспирологические концепции, рассматривающие втягивание России в войну, а затем её падение как результат заговора внешних (германских или британских), либо внутренних сил – революционеров, масонов, генералов и т. д.⁵

В советской историографии сложилась традиция называть революции в Европе в XVII – XIX вв. буржуазными, а революции в России начала XX в. – буржуазно-демократическими. И это не случайно. В европейских революциях буржуазия играла активную и важную роль и была главным «выгодоприобретателем» от революционных преобразований.

Российская буржуазия вела себя пассивно. Её значительная часть, прежде всего промышленно-финансовая, была тесно связана с самодержавным государством, получала от него заказы и менять ничего принципиально не желала. У капиталистов, чьи интересы лежали в сферах сельского хозяйства, лёгкой и перерабатывающей промышленности осознание классовой общности только зарождалось, буржуазные политические партии только начинали складываться в ходе Первой революции и так и не превратились в серьёзную политическую силу.

Основными участниками революционных событий оказались рабочие и крестьяне, поэтому революции и получили определение «демократических», т.е. народных. При этом рабочие и крестьяне практически не выдвигали социалистических лозунгов ликвидации частной собственности на средства производства и только расчищали путь для капиталистического развития страны.

Другой отличительной особенностью буржуазных российских революций было активное участие в них крестьянства. Наступление капитализма ведёт к разрушению аграрной экономики, основанной на мелком крестьянском хозяйстве. В результате большинство крестьян лишаются земельных наделов и превращаются в лишённых средств производства пролетариев. Поэтому европейские крестьяне или не участвовали в революциях, или выступали силой контрреволюционной. В России именно активное участие крестьяне подорвало самодержавие в первой революции и привело к его быстрому свержению в феврале 1917 г.

Именно глубоким корням российских революций и роли крестьянства в них посвящена данная статья.

В последние годы вопрос о положении крестьян в пореформенное время вызывает большой интерес и острые споры. Главная обсуждаемая проблема: как стали жить крестьяне после отмены крепостного права – хуже или лучше.

В зависимости от ответа на этот вопрос оценивается роль крестьян в революции. Или они активная сила, борющаяся за всеобщий передел земли, которой им остро не хватало и приводило к прогрессирующему ухудшению их материального положения, или жертва революционной и (или) либеральной интеллигенции, которая внушила крестьянам, что они живут плохо, хотя жили они всё лучше и лучше.

И ещё один принципиальный вопрос возникает и в связи с поведением русских крестьян, и в связи с пониманием причин революций: обязательно ли для складывания революционной ситуации ухудшение благосостояния основной массы населения страны, в нашем случае – крестьянства. Не бывает ли так, что именно рост благосостояния и растущие потребности входят в противоречие с устаревшими экономическими и политическими формами жизни общества,

⁵ Петров Ю. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. №2. С. 4—6.

что и приводит к революции, если господствующие классы упорствуют в своём желании сохранить неизменными своё привилегированное положение и социально-экономический и политический строй?

Не бывает ли так, что сам по себе уровень жизни крестьян не является определяющим в их поведении, если среди их источников доходов всё большую роль играют неземледельческие занятия? Ведь в таком случае разрушается привычный крестьянский образ жизни, исчезает сам многовековой мир деревни. Потому что в таком случае у большинства крестьян возникает и растёт желание сохранить их путём всеобщего передела земли, в надежде таким образом увеличить земельные наделы и жить так, как жили предки.

Не являясь специалистом по экономической и социальной истории, не буду делать развёрнутый анализ работ по этой тематике. Отмечу только, что решение поставленных вопросов осложняется проблемой достоверности статистики урожайности, потребления, вообще уровня благосостояния населения России на рубеже XIX – XX веков и крестьян, в частности. Литература по социально-экономической истории России накануне и после отмены крепостного права огромна, но окончательных выводов не сделано до сих пор, о чём свидетельствуют работы последних лет.⁶

Интерес среди историков и других исследователей к положению крестьянства в пореформенный период был всегда. Но в последние годы этот вопрос стал активно обсуждаться, в том числе с точки зрения влияния материального положения крестьянства на участие в революциях в России и вообще роли крестьянства в революционных событиях благодаря основательной работе Б. Н. Миронова о благосостоянии населения России в XVIII – начале XX века и революции. Первое издание вышло в 2010 г., а в 2012 уже доработанное второе.

Первое издание вызвало обстоятельное обсуждение на страницах журнала «Российская история». Участники дискуссии отметили огромную работу, проделанную Мироновым по сбору и анализу богатейшего материала. Но было сделано и много критических замечаний.⁷

Например, Н. А. Иванова не считает доказанным утверждение, что математико-статистические методы позволяют «распутать сложный узел взаимодействия между генетикой и средой в регулировании роста».⁸

В выступлениях других участников обсуждения характер постановки Мироновым вопросов характера экономического развития, благосостояния населения, искусственности революции вызывает различные точки зрения от признания их дискуссионными до критики чрезмерно положительной оценки «мудрых правителей».

Обзор точек зрения на монографию Миронова сделал В. И. Бакулин. Он пишет об аргументированной критике утверждений Миронова о росте благосостояния на основе данных о росте жителей России. Высказываются критические замечания о недооценке Мироновым тяжести различных налогов и прочих платежей для крестьян, росте крестьянского малоземелья и т. д. Особенное возражение вызывает использование Мироновым «среднестатистических

⁶ Давыдов М. А. Осторожнее со статистикой // Вопросы истории. 2011. №3; Кузнецов И. А. Российская дореволюционная урожайная статистика: методы критики // Вопросы истории. №6; Александров Н. М. Сколько крестьянину надо земли? (К вопросу о норме крестьянского надела в пореформенное время) // Российская история. №2012. №5; Егоров В., Зозуля О. Кустарные промыслы пореформенной нечернозёмной деревни (на материалах Московского региона) // Российская история. 2015. №5; Иванова Н. А. Стратификация российского общества и революция 1905—1907 гг. // Российская история. 2016. 4; Карпачёв М. Д. Воронежская деревня в начале XX в: социальный облик в условиях перестройки социальных отношений // Вопросы истории. 2016. №7; Волков В. В. Экономическое положение крестьян в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2017. №10.

⁷ Россия в истории: от измерения к пониманию. Новая книга Б. Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Российская история. 2011. №1. С. 145—204.

⁸ Там же. С. 148—149.

данных», использование им термина «средний уровень развития страны» в условиях сильнейших диспропорций во всех сферах жизни российского общества.⁹

Миронов существенно переработал монографию для второго издания. В то же время значительно сокращён старый текст за счёт материала вспомогательного характера.¹⁰

Во введении Миронов формулирует основную цель своей работы. Он приводит исключительно негативные отзывы историков и публицистов о России и её прошлом, в которых «имперская социально-политическая система изображается как абсолютно не эффективная и не способная обеспечить ни развитие экономики, ни повышение благосостояния населения. Весь период империи рассматривается якобы под углом зрения, с одной стороны, обеднения народа, с другой – кризиса крепостничества и самодержавия. Пауперизация и кризис – две стороны одной медали: кризис почти фатально вел страну к революции, потому что крестьянство нищало. Понижение уровня жизни крестьян и рабочих лейтмотив почти всех работ по социально-экономической истории имперского периода».

В Европе негативный имидж России, пишет Миронов, сложился со второй половины XVI в., а в самой России в публицистике и либеральной историографии в конце XIX – начале XX в. «в эпоху борьбы либерально-демократической общественности с авторитарной властью, с благородной целью – утвердить в стране гражданское общество и правовое государство. В советской историографии образ бедной, отсталой, агрессивной и угнетающей себя и других России приобрел новые краски и вошел в учебники истории, а через них – в массовое сознание».

Миронов ставит своей целью опровержение этих стереотипов. По его мнению, именно благосостояние является самым надёжным критерием оценки эффективности экономики, государства и проводимых им реформ. «Если уровень жизни систематически повышается, значит, экономика и государство работают удовлетворительно, реформы приносят положительные плоды, и наоборот».

Источником для опровержения стереотипов явились антропометрические данные (прежде всего о росте, или длине тела, человека). Миронов утверждает, что «когда благосостояние повышается, средний рост населения увеличивается, а когда понижается, то и рост уменьшается».

Проделав колоссальную работу по сбору и обработке антропометрической информации Миронов оказался готовым к доказательству своего главного тезиса: «*Россия – нормальная европейская страна, в истории которой трагедий, драм и противоречий – несколько не больше, а достижений и успехов – несколько не меньше, чем в истории любого другого европейского государства*»¹¹

Несколько не сомневаясь «нормальности» России, сразу выскажу несколько замечаний. В дореволюционной и советской историографии много работ об экономическом и социальном развитии России, в которых выражены самые различные точки зрения.

Во-вторых, сами по себе рост благосостояния или пауперизации населения не является единственным и даже основным критерием «эффективности экономики, государства и проводимых им реформ». И потому что нет единых и монолитных дворянства, буржуазии, крестьянства и рабочего класса – внутри себя они делятся на многочисленные группы, различающиеся очень сильно по разным параметрам, в том числе по уровню благосостояния, своим жизненным потребностям и стремлениям. И потому что источники благосостояния различны даже у представителей одного сословия и эти различия могут свидетельствовать о кризисе экономической основы этого сословия. И потому что не только и не столько государство определяет характер

⁹ Бакулин В. И. Историческая концепция Б. Н. Миронова как предмет научной дискуссии // Вопросы истории. 2017. №2. С. 135.

¹⁰ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 12.

¹¹ Там же. С. 15–17.

развития любой страны, на которое на самом деле оказывают воздействие множество факторов: природно-климатических, географических, геополитических, демографических, этнических и культурных.¹²

Не случайно, утверждения об однозначной связи роста человека и его благосостояния, а также о повышении благосостояния в среднем как критерии эффективности имперского государства вызвали наибольшие возражения у оппонентов Миронова.

Основной посыл историографического раздела монографии Миронова: уже в дореволюционный период сложилась . Творцом её явилась «либерально-радикальная интеллигенция», стремившаяся к власти. При этом Миронов не раскрывает содержание понятия «либерально-радикальная интеллигенция». В России второй половины XIX – начала XX в. среди образованной части общества было множество идейных течений самой разной направленности, сторонников реформ и революций, которые внутри себя делились на огромное количество противостоящих друг другу воззрений. И следовало бы доказать правомерность их объединения в единое и нераздельное понятие. *парадигма кризиса и пауперизации*

Согласно парадигме кризиса и пауперизации, «причиной общего, или системного, кризиса России и обнищания её населения в первой половине XIX в. являлось крепостное право, а в пореформенное время – половинчатость освободительных реформ 1860-1870-х гг.» (общество не получило конституцию). Постоянное снижение жизненного уровня крестьян и рабочих рассматривалось как главное доказательство кризиса и несостоятельности имперского режима. Советская историография унаследовала эту парадигму и обобщила её до исторической закономерности о непрерывном обострении нужды и бедствий не только крестьян, но и рабочих в антагонистических общественно-экономических формациях.

До 1917 г. отрицание или просто сомнение в прогрессирующем обнищании народа рассматривалось «как страшная ересь, поскольку отнимало главный аргумент у противников царизма в их борьбе за влияние и власть». В советской историографии парадигма стала настоящей идеологемой, за отклонение от которой можно было потерять не только уважение в научном сообществе, но работу и свободу. Даже теперь отрицать идеологему (парадигму) по-прежнему «трудно и опасно» из-за большого числа её сторонников среди историков старшего и среднего поколения. В подавляющем большинстве случаев парадигма признавалась учёными и кривить душой не приходилось. Примерно то же самое происходило в западной историографии.

«Это доказывает в научных исследованиях», – заключает Миронов. Парадигма носит императивный характер и каждый исследователь должен следовать ей, чтобы не быть исторгнутым из научного сообщества. Миронов подчёркивает: «Трактовка концепции кризиса и пауперизации , хорошо объясняет, почему соответствующие ей представления удерживаются в историографии более столетия, несмотря на то что противоречат фактам». *принудительный характер парадигмы как научной парадигмы, защищенной общим мнением научного сообщества и благодаря этому обладающей огромной силой инерции*¹³

Разумеется, исследователю, идущему наперекор общему мнению, приходится сталкиваться с сопротивлением косной научной среды. Ему приходится вновь и вновь доказывать обоснованность своей точки зрения и добиваться признания новой концепции или уточнения старой. Он может даже выглядеть «белой вороной». Конечно, в советское время по идеологическим мотивам можно было подвергнуться критике, профессиональным ограничениям, а при Сталине и потерять свободу. Это действительно отрицательно сказывалось на состоянии советской исторической науки. Но утверждение, что наказывали именно за непризнание парадигмы

¹² См. подробнее: Болоцких В. Н. Опыт 6. Обаяние государства-ТВОРЦА: Частная собственность, государство и общество в России. Точка зрения предпринимателя // Болоцких В. Н., Давыдов А. И. Опыты психоанализа Клио. Б. м. Издательские решения. По лицензии Ridero. 2017. .

¹³ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 52—53.

кризиса и обнищания представляется преувеличением. Тем более это заявление представляется чрезмерным для настоящего времени.

Сам Миронов, ниспровергатель господствующей более ста лет парадигмы, за относительно короткий срок выпустил два издания двухтомной и огромной «Социальной истории России», два издания «Благосостояния населения и революция в имперской России: XVIII – начало XX века», публикует статьи, его работы широко и вполне доброжелательно обсуждаются в научной периодике, стремится показать себя преследуемым. Кто из историков не хотел бы быть «исторгнутым» из научного сообщества таким образом?

Участники обсуждения ещё первого издания этой работы Миронова особенно критично высказались о представлениях Миронова о революциях в России, их причинах, а также о концепциях революции (безоговорочно поддержал автора только С. В. Куликов, сторонник понимания революции как заговора).¹⁴

Анализировать антропометрическую часть работы Миронова нет особого смысла. Даже если согласиться с тем, что постепенное увеличение среднего роста населения России в XIX – начале XX в. связано в первую очередь с ростом его благосостояния, это несколько не приблизит нас к пониманию причин революций и роли в них крестьянства. В данном случае решающее значение имеют источники благосостояния и изменения в этих источниках, а также последствия, вызванные ими в социально-экономическом положении, поведении, морали, семейных отношениях. Хотя Миронов обращает внимание на перемены в крестьянском хозяйстве, на расширение источников благосостояния населения, особенно крестьян, но не придаёт им должного значения.

Доказать «нормальность» России только с помощью антропометрических данных не получается, поэтому Миронов много внимания уделяет социально-экономическому развитию России.

Миронов считает, что крестьянское и помещичье хозяйство не испытывали упадка в первой половине XIX в., а уровень жизни крестьян повышался. Но, признаёт он, они могли удовлетворить лишь скромные базисные потребности огромного большинства населения. По его мнению, то, что две трети помещиков возражали против отмены крепостничества доказывает отсутствие кризиса крепостного хозяйства.

Причины отмены крепостного права Миронов сводит к экономической целесообразности, развитию самосознания крестьянства, опасениям перед потенциальными волнениями, но главная причина для него лежит «в гуманитарных, военных и политических соображениях». Государство не исчерпало всех экономических возможностей крепостного права, не довело его до состояния полного внутреннего разложения, но «под воздействием со стороны либеральной общественности и самого крестьянства, а также в силу острой государственной потребности в модернизации и более глубоком усвоении европейских культурных, политических и социальных стандартов упраздняет институт крепостничества».

Автор также отрицает существование революционной ситуации 1859—1861 гг.¹⁵

Революционной ситуации тогда действительно не было. В остальном объяснение причин отмены крепостного права вызывает сильное смятение. Никого кризиса не было, две трети помещиков отстаивают крепостничество, благосостояние крестьян улучшается, но они «воздействовали» на верховную власть вместе с «либеральной общественностью». Крепостное хозяйство не в упадке, но есть экономическая целесообразность его отменить. Почему-то развивается некое крестьянское самосознание, которое при улучшении жизни крепостных, требует отмены крепостного права. Реальная крестьянская война под руководством Пугачёва не заставила Екатерину II даже смягчить режим крепостного права, а страх «потенциальных

¹⁴ Россия в истории: от измерения к пониманию // Российская история. 2011. №1. С. 181—196.

¹⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 526—527.

волнений» так испугал её правнука, что он его вообще отменил. Пётр I и его преемники в XVIII в. активно «усваивали» европейские стандарты во всех сферах жизни и «институт крепостничества» им не мешал, а тут вдруг...

Что это за острая «государственная потребность в модернизации»?

В чём согласен с Мироновым, так в том, что не кризис крепостничества привёл к отмене крепостного права и другим реформам. Вообще, крепостное право лучше не отменять, гораздо лучше, чтобы феодальная зависимость крестьян изжила бы себя и постепенно отмерла, исчезла бы в ходе социально-экономических перемен.

И в первой половине XIX в. в России начались прогрессивные изменения в сельском хозяйстве. Появились сельскохозяйственные машины, новые культуры, новые приёмы агротехники, всё шире использовался наёмный труд, конкуренцию помещикам стали составлять представители других сословий. Интенсификация сельского хозяйства Прибалтики привела к отмене крепостного права в Курляндии, Лифляндии и Эстляндии.¹⁶

Для понимания подлинных причин отмены крепостного права необходимо помнить, что в первой половине XIX в. в России появились также положительные сдвиги в промышленности и на транспорте. В 1830-е гг. начался промышленный переворот. Росло число фабрик и заводов с паровой машиной и наёмным трудом. Перевозка грузов и пассажиров на основных реках Европейской России к середине века осуществлялась пароходами.

Но все эти достижения связаны исключительно с отраслями экономики, не входившими в сферу интереса самодержавного государства: текстильная, перерабатывающая отрасли промышленности, речные перевозки, производство машин для сельского хозяйства.

Но в тяжёлой промышленности и производстве вооружений, в которых преобладал труд приписных и посессионных крестьян, которые работали в основном на государство, промышленный переворот фактически не начался. Военных пароходов имелось крайне мало, нарезное оружие отсутствовало, принципы комплектования и обучения войск устарели. Также как было чрезвычайно мало железных дорог, первые были построены или начаты строительством только в начале 1850-х гг.

Военно-техническое отставание явилось одной из основных причин поражения в Крымской войне, которая показала громадное ослабление военной мощи империи. И именно для восстановления военной мощи, возвращения статуса военной супердержавы и проводились реформы Александра II и прежде всего крестьянская.

Освобождение крестьян было проведено от начала до конца наиболее дальновидными и умными государственными чиновниками. Сознательно или нет, они добивались двух основных целей, противоречащих друг другу в своей основе: во-первых, создания условий для промышленной модернизации России в военных интересах государства и оздоровления государственных финансов, во-вторых, сохранения помещичьего землевладения с соблюдением всех интересов помещиков.

Наиболее серьёзные упреки в адрес Александра II со стороны либеральной, демократической и революционной общественности и близких к ним историков были и есть упреки в непоследовательности, незаконченности реформ, так как здание не было закончено; освобождение крестьян, земская, городская, судебная, университетская, цензурная и военная реформы не были увенчаны конституцией России или хотя бы созданием всероссийского земства.

Но противоречивость, непоследовательность Александра II заключаются не в том, что он не даровал даже самой лучшей конституции, он и не обещал ничего подобного. Противоречивость и непоследовательность самодержавного монарха заключается как раз в том, что он всё-таки дал земство, суд, университетский устав, допускал гласность и т. д. Ибо цель

¹⁶ Дружинин Н. М. Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 270—274; Он же. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978. С. 9; Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 61—62.

и смысл его преобразовательной деятельности – укрепление устоев самодержавия с помощью казённой тяжёлой промышленности и модернизации армии. Но для того, чтобы было на что и кому строить железные дороги, заводы и работать на них, Александр II и его правительство были вынуждены пойти на ликвидацию крепостничества и неизбежно сопровождающие эту акцию реформы. Но этому сопротивлялись дворянство и чиновничество (которые вполне справедливо полагали, что ничего хорошего им это не принесёт) и чтобы провести преобразования приходилось прибегать к мерам, выходящим за рамки самодержавной бюрократической монархии.

Александр II был предан идеям мощного самодержавного военного государства. Он поклялся у гроба отца хранить верность его заветам и последовательно выполнял свою клятву, о чём свидетельствует, в частности, его личная переписка.¹⁷

Уровень развития любой страны, её промышленности, торговли, культуры определяется уровнем развития сельского хозяйства. Чем выше производительность труда в аграрной сфере, чем меньше работников в ней занято, тем больше возможностей у страны развиваться во всех отношениях. Но добиться повышения производительности труда в XIX в. можно было только через переход к интенсивным методам хозяйствования. Это невозможно сделать при сохранении крепостного права и его пришлось отменить. Но желание при этом сохранить самодержавие привели к непоследовательности реформ Александра II. Так как социальной опорой самодержавной монархии были землевладельческое дворянство и крестьянство, то было сделано всё возможное для их сохранения. Отсюда привилегии помещиков при проведении реформ, политика поддержки даже самых слабых крестьянских хозяйств в пореформенное время. Это привело к сохранению в целом экстенсивного характера сельского хозяйства России, переход к интенсивным методам шёл крайне медленно. По этим причинам промышленность развивалась медленнее, чем могла и, главное, её развитие шло односторонне, с перекосом в сторону военного производства. Нарастали кризисные моменты в сельском хозяйстве: неспособность большинства дворян-помещиков адаптироваться к новым условиям хозяйствования и массовое их разорение, слишком медленное разложение крестьянского хозяйства сдерживало приток рабочей силы в промышленность, приводило к медленному росту спроса на промышленные товары производственного и потребительского назначения, препятствовало концентрации сельскохозяйственных земель в руках фермеров и аграрных предпринимателей. Все эти факторы замедляли индустриализацию России, придавали ей милитаристский характер и создавали предпосылки революций начала XX в.

С точки зрения обеспечения пахотными и кормовыми угодьями крестьянских хозяйств необходимо различать типы сельскохозяйственного производства.

Во-первых, традиционное семейное потребительское многоотраслевое крестьянское хозяйство, смыслом деятельности которого было обеспечение всем необходимым членов семьи. Такое хозяйство было мелкотоварным (деньги были нужны в основном для уплаты налогов и других обязательных платежей), стремилось к полному замкнутому циклу самообеспечения.

Во-вторых, семейное фермерское хозяйство, пока ещё только возникавшее. Целью фермера является получение прибыли, поэтому его хозяйство является специализированным и занимается производством наиболее выгодной продукции в данной местности и в данное время. Для получения максимальной прибыли фермер вынужден использовать интенсивные методы хозяйствования, а это требует больших вложений для закупки производительного инвентаря, урожайных семян, породистого скота.

¹⁷ Российские самодержцы. 1801—1917. М., 1994. С. 166—168, 186—187; Письма императора Александра II к князю А. И. Барятинскому (1857—1864 гг.) // Вопросы истории. 2007. №2. С. 132, 135, 137—138.

В пореформенное время было много переходных форм, но полюса были именно такими. А для разных типов земледельческих хозяйств требовалось разное количество земли при одинаковой численности семьи. Для крестьянского потребительского хозяйства, по определению экстенсивного, земли требовалось меньше, чем для интенсивного фермерского. В тоже время для фермерского хозяйства требовалось разное количество земли в зависимости от специализации: для зернового гораздо больше, чем для животноводческого или овощеводческого.

Без учёта типов земледельческих производств обсуждение проблемы крестьянского малоземелья теряет смысл. Для традиционного, именно крестьянского хозяйства, земли в основном хватало после отмены крепостного права, несмотря на отрезки. Хотя в некоторых регионах, особенно чернозёмных, недостаток земли ощущался изначально. Но по мере роста численности крестьян и увеличения количества семейных разделов проблема начала обостряться, особенно в чисто земледельческих губерниях.

Зарождение и развитие хозяйств фермерского типа шло крайне медленно по причине трудностей с увеличением размеров земельных владений. Тем более что правительство вплоть до Первой российской революции проводило политику сохранения мало и безземельных крестьянских хозяйств, что препятствовало концентрации земли в руках фермеров и аграрных предпринимателей и тем самым тормозило переход сельского хозяйства в целом к капиталистическому типу или индустриальному, другими словами.

Низкий уровень крестьянского производства (именно крестьянского) признаёт и Миронов, как и то, что для повышения продуктивности своего хозяйства крестьянам не хватало земли.

«... – пишет он, – важнейшая проблема, которую не сумели решить ни царское, ни Временное правительство. Именно она создавала колоссальное социальное напряжение в стране. Вследствие низкой производительности труда крестьянство страдало от малоземелья и требовало экспроприировать частновладельческую землю, принадлежавшую некрестьянам, и таким простым способом удовлетворить свои возросшие материальные потребности. Эти вождедения поощрялись важнейшими политическими партиями и отчасти самой верховной властью. Значительная помощь со стороны государства в форме так называемого „царева пайка“, как именовали землепашцы разнообразные пособия и прощения недоимок, также поддерживала иждивенческие настроения и патерналистские надежды крестьян великорусских губерний».

Аграрный вопрос

По мнению Миронова, опыт «чёрного передела» в 1917—1918 гг. показал, что посредством захвата чужой собственности решить проблему малоземелья и низких доходов крестьян было невозможно. Что «в среднесрочной и тем более долгосрочной – перспективе повышение благосостояния могла обеспечить только агротехническая революция, требовавшая, однако, времени и огромных средств» и «именно этот курс стало проводить царское правительство, приняв за основу своей политики с 1906 г. Столыпинскую аграрную реформу». ¹⁸

В данном случае Миронов опровергает самого себя, свои утверждения об успешности модернизации России под руководством самодержавного государства. Он, как и другие поклонники Столыпина, напрасно возлагает на столыпинскую аграрную реформу большие надежды на решение проблемы крестьянского малоземелья. Агротехническую революцию, действительно крайне необходимую, было невозможно совершить на основе крестьянского хозяйства в силу его небольших размеров. Л. В. Милов убедительно показал, что даже для ведения традиционного семейного потребительского крестьянского хозяйства в России земли требовалось больше, чем в Европе. Для интенсивного предпринимательского хозяйства этот вывод ещё более справедлив. Поэтому ликвидация общинного землевладения и землепользования путём закрепления крестьянских наделов в собственность в тех размерах, которые

¹⁸ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 641, также 583 и др.

имели крестьяне, никаких проблем не решала и не создавала возможности для агротехнической революции.

Крестьянское хозяйство к началу XX в. не просто находилось в состоянии глубокого кризиса, оно не просто не имело перспектив для развития, оно исчерпало возможность своего существования. Существование такого хозяйства в течение веков возможно только или при неизменной численности населения, или при наличии свободного фонда необработанных земель, на которые можно отселять «лишних» людей, или при сочетании этих факторов.

Фундаментальные особенности Руси-России заключаются именно в том, что на протяжении веков её численность росла медленно и в тоже время растущее Русское государство имело возможность расширения на юг и восток, на слабозаселённые пространства скотоводов, охотников и рыболовов, где земледелие было слабо развито. Именно эти особенности привели к сохранению крестьянского и помещичьего хозяйства экстенсивного типа, становлению крайних форм феодальной зависимости (обеспечить владения феодалов рабочей силой можно было только силой), неполному отделению ремесла от сельского хозяйства, медленному развитию промышленности, её милитаристской направленности, возникновению и укреплению самодержавной формы правления, которая только и могла защитить интересы феодалов-крепостников.

Но в XIX в. всё изменилось. В районах старого заселения возможности экстенсивного земледелия, даже его сохранения, были полностью исчерпаны, на степных окраинах было возможно только интенсивное земледелие, несовместимое с крестьянским хозяйством. Наметились и усиливались отставание в военной мощи, которое невозможно было преодолеть без индустриализации страны и изменения её социальных и политических структур.

Другими словами, Россия встала перед необходимостью индустриализации. А это предусматривает и полную перестройку аграрной сферы: исчезновение помещичьего и крестьянского хозяйств и соответствующих им форм землевладения и хозяйствования.

Более того, Миронов приводит факты, которые рушат все его заявления об успешности модернизации. Считая рост благосостояния населения главным критерием успешности модернизации, он, перечислив доказательства благополучия крестьян, как положительные явления приводит данные переписи 1897 г.: доля крестьянства в населении России составляла 86%, а доля лиц, имеющих главным источником дохода наёмный труд 12%.¹⁹

Миронов также прекрасно знает о земледельческих занятиях большинства рабочих: в 1840-1850-х гг. в Москве и Московской губернии, рабочие состояли более чем на 90% из крестьян, тесно связанных с сельским хозяйством. После отмены крепостного права связь рабочих с землёй ослабла, но оставалась существенной. Более 50% рабочих в той или иной степени были связаны с землёй.²⁰

Как ни странно, эти данные расцениваются Мироновым как доказательство успешности модернизации под умелым руководством царского режима. Но о каких успехах модернизации, выражающейся прежде всего в индустриализации, может идти речь при таком преобладании крестьян в общей численности населения и таких тесных связях рабочих с деревней?

То, что крестьянское хозяйство в XIX в. находилось в глубочайшем кризисе и было обречено убедительно демонстрирует сам Миронов.

Утверждение Миронова об успешности модернизации при самодержавии основывается на росте уровня жизни населения без учёта источников доходов. Поэтому он приводит массу сведений об увеличении доходности крестьянских хозяйств, росте потребления крестьян и расширении ассортимента потребляемых ими благ, сокращении числа рабочих дней, вообще тру-

¹⁹ Там же. С. 542.

²⁰ Там же. С. 431—432.

довой нагрузки сельских жителей в качестве доказательства успехов России в продвижении к современному обществу.

Но это в корне неверный подход. Миронов неоднократно приводит данные о громадном росте отходничества в пореформенный период. Он указывает на более быстрый рост зарплаты у сельскохозяйственных рабочих по сравнению с промышленными и пишет, что это «способствовало повышению жизненного уровня крестьян, значительная доля которых получала дополнительные доходы от продажи своего труда за пределами деревни – в 1861—1870 гг. они взяли 12,9 млн кратковременных билетов и паспортных бланков, в 1891—1900 г. – 71,4 млн, в 1906—1910 гг. – около 80 млн.²¹

Также положительно оценивается рост крестьянских вкладов в сберкассах в 1880—1900 гг. как важное свидетельство повышения уровня жизни крестьян. Это действительно означает увеличение денежных доходов у крестьян, но одновременно говорит о разложении именно крестьянского хозяйства, переходе всё большей части крестьян в иные социальные категории – фермеров, промышленных и сельскохозяйственных наёмных рабочих. А часть крестьян уже становилась чистыми пролетариями. Но крестьянство-то исчезало и это порождало мучительные процессы в крестьянской жизни: распад традиционной морали, кризис семьи и родственных отношений. Миронов рассматривает основные концепции революции: марксистско-ленинскую, мальтузианскую, структурно-демографическую, структурную, политические, институциональную и в результате модернизации.²²

Марксистско-ленинскую концепцию революции Миронов отвергает на том основании, что она исходит из наличия в России в XIX – начале XX в. глобального перманентного кризиса, выразившегося в снижении уровня жизни населения, особенно рабочих и крестьян; в противоречиях между растущей капиталистической экономикой и архаической политической системой, неспособной меняться и приспособляться к новым условиям; в сохранении пережитков сословного строя и крепостничества. Доказательству успешности модернизации в России, выразившейся прежде всего в росте благосостояния населения, и проводившейся государством, посвящена в целом данная работа.

Кризис не всегда является признаком несостоятельности какого-либо режима, «он может быть временным и преходящим, как кризис подросткового возраста у человека, и свидетельствовать о прогрессивном развитии, а не об упадке».²³

И далее Миронов опровергает, как он полагает, основные положения марксистско-ленинской концепции революции данными об успешном экономическом развитии в России в XIX – начале XX в., а также утверждениями о мирной трансформации сословий в социальные группы индустриального общества и превращении политической системы имперской России после 1905 г. в дуалистическую правовую монархию с конституцией, парламентом и гражданскими правами.

Обнищания народа не было, что якобы доказано в этой работе, классовая борьба не была доминирующей формой социальных конфликтов. Правильнее говорить о борьбе групповых интересов, а «застрельщиком» революции был не пролетариат, а интеллигенция.

Не было ни «кризиса верхов», ни «кризиса низов». В годы мировой войны положение народа в России было не хуже, если не лучше, чем в других воюющих странах.²⁴

Для Миронова характерно упрощённое восприятие марксизма. Маркс действительно писал о непрерывном абсолютном и относительном обнищании масс при капитализме, но это положение было опровергнуто самой жизнью уже к концу XIX в. и его последователи не акцен-

²¹ Там же. С. 433, также с. 694.

²² Там же. С. 693—694, 533—534.

²³ Там же. С. 567.

²⁴ Там же. С. 569—579.

тировали на этом внимания и большинство европейских марксистов отказались от него и это стало одним из основных тезисов социал-демократов. И, с точки зрения марксизма, в том числе в ленинской интерпретации, не реформы порождают кризис. Наоборот, всесторонний кризис приводит к необходимости фундаментальных перемен в обществе, которые могут осуществиться путём реформ или революций, в зависимости от способности старой системы к изменениям под давлением кризисных явлений.

Согласно теории Маркса при переходе к капитализму происходит колоссальный рост производительности труда. Рост производительности труда достигается качественным скачком в усилении разделения труда и его кооперации в масштабе всего общества, а потом и всего мира. Основой капиталистической экономики становится сначала мануфактура, а потом фабрично-заводская промышленность.

Коренные перемены происходят и в сельском хозяйстве, которое переходит от мелкого, натурального и полунатурального семейного многоотраслевого производства и феодальных поместий с использованием труда феодально-зависимых крестьян к индустриальному типу на основе применения машин и наёмного труда.

Переход от одной общественно-экономической формации к другой происходит, согласно основоположникам формационной теории, только тогда, когда в недрах старой формации зародились и достигли достаточно высокого уровня экономические основы новой формации. В случае с капитализмом, это мануфактура с её массовым производством и новые формы обмена. Это также зарождение и рост третьего сословия, со временем распавшегося на хозяев-капиталистов и рабочих-пролетариев.

И только после этого последовали буржуазные революции в Англии, Франции и других странах Европы, основным содержанием которых были замена устаревшего социального и политического строя классовым обществом и буржуазным государством в разных формах. А также складывание новой системы права, более приспособленной к капиталистической частной собственности и товарно-денежных отношений (кодекс Наполеона).

В этом отношении различные версии модернизационных теорий недалеко ушли от идей Маркса и Энгельса. И это одна из причин быстрого спада интереса исследователей к ним.

И в Российской империи марксистов, включая Ленина, интересовали не сами по себе реформы, проводимые самодержавным государством, а причины этих реформ, степень готовности страны к переходу к новой формации. А этот переход был связан с возникновением и становлением капиталистического уклада в промышленности и сельском хозяйстве.

Ленин, как и Маркс, писал об обнищании масс, о пауперизации крестьянства. Но для него важно было становятся обедневшие, пауперизовавшиеся крестьяне – босьяками, нищими, попрошайками или, лишёнными средств производства фабрично-заводскими и сельскохозяйственными рабочими. Для него, как марксиста, был важен именно рост числа пролетариев, так как именно они совершают пролетарскую и коммунистическую революцию. **кем пролетариями**

Далее Миронов подвергает резкой критике мальтузианскую и структурно-демографическую концепции революции. Сделать это было нетрудно по причине почти полного отсутствия сторонников этих концепций. В обсуждении на страницах «Российской истории» называется только один «мальтузианец» С. А. Нефедов, а в отношении структурно-демографической И. В. Михайлов высказывает предположение, что её сконструировал сам Миронов.²⁵

Действительно, о каком мальтузианском перенаселении может идти речь относительно России с её огромной территорией и низкой плотностью населения. Проблема крестьянского

²⁵ Россия в истории: от измерения к пониманию. Новая книга Б. Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Российская история. 2011. №1. С. 189.

малоземелья заключается отнюдь не в недостатке земли. Говорить же, что в России начала XX в. был переизбыток образованных людей, элиты и контрэлиты и вовсе не приходится.

Гораздо лучше объясняют происхождение русских революций, с точки зрения Миронова, теория модернизации и институциональная концепция.

В институциональной теории акцент делается на эволюционном развитии, так как институты изменяются медленно. В. А. Мау и И. В. Стародубцева приспособили эту теорию для объяснения революции. По их мнению, утверждение новых институтов в обществе происходит медленно, болезненно по причине существования в обществе институциональных отношений, препятствующих гибкому приспособлению социума к новым условиям. Это, например, средневековая цеховая система в городах и крестьянские общины. Ограничители имеются социальные, политические, психологические.

Преодоление ограничителей происходит в ходе реформ «сверху». В период преобразования институциональной системы общество становится социально и политически нестабильным, попадает в «зону риска». Если мирный эволюционный путь проходит успешно, то с изменением институтов общество выходит из «зоны риска». В противном случае, происходит революция, разрушающая насильственным путём ограничители и дающая дорогу новой институциональной системе.

Революционная ситуация складывается постепенно и, как правило, в условиях быстрого экономического роста. Это происходит из-за того, что динамичное экономическое развитие разрушает основы традиционной социальной структуры, ведёт к перераспределению богатств и возникновению новых экономически значимых сил. Сосуществование элементов старой и новой социальных структур приводит к фрагментации общества, резкому усложнению социальной структуры. Фрагментация охватывает все слои общества, но, прежде всего, элиту.

Экономический прогресс и вызванная им фрагментация общества приводят к резкому ослаблению государственной власти, а это создаёт, в свою очередь, возможность для перерастания революционной ситуации в революцию. Хотя это и не происходит автоматически.

Институциональная концепция революции отвергает марксистскую социологию революции с её неизбежными классовыми войнами и революциями как локомотивами истории, делая акцент на автономности государств и государственной бюрократии в отличие от Маркса, рассматривавшего государство как комитет по управлению делами правящего класса. Кроме того, в институциональной теории революции возможны, но не обязательны, капиталистическое общество рассматривается как достаточно устойчивое, способное к саморазвитию, а также признаёт возможность повышения благосостояния широких масс населения при капитализме. В марксизме, соответственно, всё наоборот.

По мнению Мау и Стародубцевой, Русская революция 1917 г. не имеет принципиальных отличий от европейских революций более раннего времени.²⁶

На взгляд Миронова, «институциональная концепция удачно синтезирует все вышеперечисленные концепции революции и хорошо объясняет происхождение Русской революции 1917 г. Бурный экономический рост и всесторонняя трансформация российского социума создали высокий накал социальной напряженности в обществе и ввели страну в зону риска. Реформы «сверху» устраняли один за другим мешавшие модернизации ограничители, встроенные в традиционную институциональную систему, и тем самым создавали возможность избежать революции. Поскольку смена институциональных систем – длительный, болезненный и противоречивый процесс, для выхода из зоны риска требовалось значительное время – хотя бы лет двадцать, как говорил, П. А. Столыпин, социального покоя.

Но этому помешала война, нарушившая эволюционный путь развития. Тяготы войны, помноженные на безответственное поведение либеральных и революционных элит и ослаб-

²⁶ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 631—634.

ление государственной власти, оказались непереносимыми для общества. Страна погрузилась в революцию, проходившую в соответствии с классической моделью – кризис «старого режима»; установление власти «умеренных»; победа радикалов, создающих «царство террора и добродетели»; термидор, или контрреволюционный переворот, и постреволюционная диктатура». ²⁷

Причины революций в ракурсе модернизационной парадигмы определяет сам Миронов. Он исходит из того, что прогресс сопровождается негативными последствиями – дезорганизацией государственных и общественных структур, дезориентацией людей, ростом конфликтности и напряжённости. Положение осложнялось незавершёностью модернизации к началу Первой мировой войны, принёсшей тяжелейшие испытания. ²⁸

Миронов делает вывод, что марксистское и мальтузианское в разных версиях объяснение истоков и причин российских революций не подтверждаются эмпирически. Он уверен, что теория модернизации и институциональная концепция объясняют происхождение русских революций 1905 г. и 1917 г. и историческое развитие страны в период империи намного убедительнее. А также, что «в русских революциях мало уникального, и они не являются неизбежными и закономерными. Модернизация в России протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические, социальные, этнические, территориальные сегменты общества». Но социально-экономические проблемы служили лишь предпосылками революции, а «ее непосредственная причина и движущая сила – борьба за власть между разными группами элит. Лидером, вдохновителем и организатором революционных действий выступила либерально-радикальная интеллигенция, а народ был вовлечен в них умелой агитацией и пропагандой по двум причинам: без народной поддержки общественность не имела сил низвергнуть монархию, удержаться у власти и обеспечить легитимность государственного переворота». В этом смысле революции обусловлены в основном политическими факторами, не являлись неизбежными, а «произошли вследствие „роковых ошибок“, допущенных властью и общественностью». ²⁹

Характерно, что Миронов нигде не раскрывает содержание понятий «либерально-радикальная интеллигенция», «общественность». Получается, вся образованная часть российского общества действовала единым фронтом, с едиными целями и каких-либо политических, культурных, личностей расхождений и противоречий и расхождений внутри неё не было.

²⁷ Там же. С. 635.

²⁸ Там же. С. 635—636.

²⁹ Там же. С. 647.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.